

ЗАГАДОЧНЫЙ СОН

Просыпаюсь. В реальность вернуться пытаюсь.
Этой ночью мне снился загадочный сон:
По Великой Стене вокруг большого Китая
Я иду к тому месту, где страшный Дракон.

На меня он с огнем и рычаньем бросается,
Я щитом отражаю град огненных стрел,
А внизу, у стены, горько плачет красавица,
И костер возле ног ее звездами тлел.

Мысль меня осенила вдруг, будто бы молния:
«Это мама моя! Меня мама звала!»
И красавица голосом маминым молвила:
«Тридцать лет я тебя здесь, в неволе, ждала».

И тяжелым мечом я драконову голову
Отрубил, и застыла в ударе рука...
А вдали кто-то бил в старый храмовый колокол
И змеей извивалась близ храма река.

Облака расступились, и Лик Богородицы
Осветил вечереющий сумрачный день,
И сказала Она: «Ты же Мной загородишься,
Коли вновь нападет на тебя злая тень»...

...Я проснулся. Ушли тут же боли и страхи.
Почему мне приснился загадочный сон?
Может, быть мне придется в День Судный на плахе
С искаженным от боли греховной лицом?

Мама рядом была. Почему она снилась?
Может, ей изливала Мать Божия свет?

Видно, в них, матерях, есть великая милость —
Оставлять на Земле несмываемый след...

Жизнь моя во грехах управлялась Драконом,
И лишь в годы седые дано мне понять,
Что превыше всего — жизнь по Божьим Законам,
И дороже всего на Земле этой — Мать.

ТУЛА НОВАЯ И СТАРАЯ

Издревле Тула талантами славится,
Много дала она громких имен,
В ней, как в горниле, характеры плавятся
И закаляются ветром времен.

«Тульский Арбат» сохраняет историю
Быта купцов ее и мастеров,
Рядом с Упой пролегла территория,
Где жив завод оружейный Петров...

Тула была прежде обликом тусклая —
Старые нынче исчезли дворы,
Похорошели и улицы тульские,
И уголки для игры детворы.

Все в ней, казалось бы, новшеством дышит:
Радуга красок облила дома,
Солнце ласкает зеленые крыши,
Запахом манит к себе «Шаурма»,

Всюду реклама, деревья — в гирляндах,
Плитками выложен весь тротуар,
На иномарках спешат коммерсанты,
Сотни витрин предлагают товар.

Рваные джинсы, прически кричащие,
Не покидают мобильники рук,—
Прошлое спуталось с настоящим
И не понять, кто тут враг, а кто друг.

Всюду рождают «шедевры» словесные
Мальчики в шортах и девы в штанах.
Вот оглушила машина нас песнями.
Вот «звездный» выход: «Ну, здравствуй, страна!»

В парке шуршит под колесами «великов»
Осени дар — золотая листва.
Вот возле пруда у самого берега
Пьет потихонечку пиво «братва».

А коли возраст уже пенсионный —
Можно в тенечке на лавочку сесть
И обсудить, как свои миллионы
Власти воруют, забыв стыд и честь...

...Что-то не так в моем городе стало.
Словно под масками тысячи лиц,
Словно душа моя тоже устала
И жизнь похожа на шахматный блиц.

Видно, не всякое новое лучше
Прошлого нашей великой страны.
Видно, не новое лучшему учит,
Коль мы утратили чувство вины.

Помню, что в прошлом дома были серы,
Но ведь все краски имела душа!
Помню, что не было храмов и веры,
Но ведь могли мы мечтами дышать!..

Коль на весах настоящее с прошлым,
Гирьку я брошу в ту чашу весов,
Где все казалось простым и хорошим,
Не закрывалась душа на засов,

Где не машины двory заполняли —
Звуки гитары в вечерней тиши,
Где мы детей доверяли не няням,
А не могли без детей этих жить...

Мы убегаем от лучшего прошлого
В новое время грехов и сует.
Мы забываем, что лучшее прожито
В дни испытаний народных и бед.

Может, меня назовете безумным,
Но ведь за то и распяли Христа,
Что направлял Он стремленья и думы,
К Небу, где таяла душ мерзлота.

Все мы покинем земные чертоги,
Все, что имели, оставим земле...
Мне бы опять пробежать босоногим
По зеленеющей юности лет.

Мне бы опять насладиться красотами
Рек, из которых мы пили рукой.
Мне бы отведать с пчелиными сотами
Мед золотистый с парным молоком...

Счастливы те, кто советское прошлое
На суету новизны не менял.
Все, что во мне есть от жизни хорошего,
Прошлым заложено прочно в меня.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

*«Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!»*

(Надпись на памятнике поэту в Эстонии)

«Я, гений Игорь Северянин,
своей любовью упоен:
я повсеградно озкранен,
я повсесердно утвержден».
Что это? Хвастовство, в котором
поэт был кем-то уличен?
Или достоинство, в котором
сиянье нимба не при чем?

Он, как поэт, неординарен.
Как личность, тоже он один.
Стихи его живыми стали
для юных лиц и для седин.
И разный жанр ему давался,
свои «поэзы» зычно «пел»,
и на «Титаник» собирался,
но в рейс тот страшный не успел...

Москва. Поэты в Политехе,
и Северянин среди них.
Вот Маяковский, Бальмонт — вехи!
Как конкурс их соединит?
И стал «Король поэтов» третий —
кто ни дипломов не имел,
кто властью назван был в запрете
и пресмыкаться не умел.

Он выходил на сцену в строгом
и чуть помятом сюртуке,
цветок в петлице, одиноко
лежала шляпа вдалеке, —
и вот бесстрастно и певуче
слова его влетали в зал...
Скажите, разве волей случая
он так красиво все сказал?..

*«Это было у моря, где ажурная пена,
где встречается редко городской экипаж...
Королева играла в башне замка Шопена,
и, внимая Шопену, полюбил ее паж...».*

Большого роста, с длинным ликом,
надменно-грустным взором глаз —
он был подчеркнуто великим
и в профиль, и в любой анфас.
И зря Евгений Евтушенко
сказал: «Полуинтеллигент», —
нет, здесь, скорей, недооценка
того, кто входит в круг легенд...

*«Ананасы в шампанском» —
необычное «блюдо»,
и не зря Антокольский
шутит горячо,
когда он, Северянин,
водки штоф из сосуда
огурцом закусил
и подернул плечом...*

...Родился в Питере и бегал.
Он на Гороховой живет —
кумир «Серебряного века»,
изведавший и гнев, и взлет.
Пусть «декадент», отчасти циник,
пусть Казанова — ведь любил! —
не верил часто медицине,
хотя ее таблетки пил.

Его период становленья
был очень долог и тернист:
писал он до изнеможенья,
в руках частенько комкал лист,
журналы «закидал» стихами
и тридцать пять брошюр издал
на те гроши, что вместе с мамой
копил, а сам недоедал.

Когда Толстой прочел те строки,
где «штопор в пробку был вонзен»,
великий старец дал уроки,
сказав: «Я очень удручен.
Литература разве это?!
И женский пол здесь не при чем.
Я в нем не нахожу поэта,
хоть он стихом и увлечен».

И, чудо! миг стал часом славы —
ведь не одна потом газета
в критичных нотах и без справок
писала о событье этом, —
с лица Поэзии стирая
того, кто мог бы ей помочь,

не ведая, что есть другая
для творчества иного ночь.

Такой вот был «счастливый случай»,
принесший славу за позор,
и Лев Толстой, чернея тучей,
кричал: «Как стыдно! Он — позер!»
И вся Россия обратила
на Северянина свой взор,
и в том «распятье» была сила,
на нем оставшись до сих пор...

Казалось бы, судьба поэта
могла сложиться в год один,
поскольку родственник был Фету,
и сам историк Карамзин
потомком числился у рода,
и Александра Коллонтай
сестрой являлась троюродной,
была министр-нарком, считай.

И Брюсов славно отзывался
о северянинских стихах,
«Громокипящий кубок» брался
в статье восславить на века.
Но перемены вдруг настали —
от революций голод был
и вместе с матерью Натальей
они бежали от судьбы.

Эстонский городишко Тойла
их встретил тихо и тепло,
И много всяческих историй
здесь было, как и добрых слов.
Потом женился на Фелиссе,
прожил с ней в счастье много лет
на Финском берегу при брize,
где запах сосен, елей цвет.

Тоска по родине щемила,
но стал заложник он страны,
куда приехал с мамой милой
в дни начинавшейся войны,—
она России горло сжала,
открыла эмигрантам путь
туда, где хлеб, где горя мало
и можно тяжкий груз стряхнуть.

Но даже здесь, в стране добротной,
для Северянина нужда
была неласково-холодной,
как и балтийская вода.

И умер здесь, худой и хилый,
в год оккупации и бед,
увидев, как фашистской силой
мир превратился в лазарет...

Похоронили его скромно,
упрятав в землю путь больной,
и тело в сырость новых «комнат»
предали к вечности спиной.
А близоруких графоманов
его не тронула судьба.
О, Боже! Как же в мире мало
тех, в ком нуждается толпа!..

Мы носим парики и маски,
скрывая силу наших чувств,
не отвечаем чьим-то ласкам,
не склоним голову к плечу...
Но он, далекий Северянин,
вселился словом своим в нас
не потому, что он — землянин,
в шампанском любит ананас,—

он *то* писал, о чем и думал,
он над безликостью вспарил
и своим обликом угрюмым
нам о свободе говорил.
Вставал всегда он после драки,
и, отирая кровь с лица,
пел неустанно: «Мы во мраке,
под гнетом злобы и Тельца».

Под бровью черной и мохнатой
смотрел на тех, в ком видел зло,
и бил строкою угловатой
в то, что грехами поросло.
И эта страсть кутить словами,
дарить слова и ими жечь
способна подружиться с нами
и выдавить обман и желчь...

*«...В деревне хочется столицы...
В столице хочется глуши...
И всюду человечьи лица
Без человеческой души...»*
Я эти строки принимаю,
мною северянский дух ценим —
ведь оба мы родились в мае
по воле Господа и с Ним.